

НА ЗАРЕ РЕВОЛЮЦИИ

Шамиль ШАГАЛИЕВ

ТАТАРСКИЙ драматург, член Союза писателей СССР Шамиль Шагалиев, проживающий в Черемшанах, — автор двенадцати пьес, поставленных театрами нашей республики и на других сценах страны.

Сегодня мы предлагаем читателям отрывок из пьесы Ш. Шагалиева «Надежда». Она рассказывает о революционной деятельности Надежды Константиновны Крупской, о красоте и благородстве ее души. Место действия — Уфа,

время действия — накануне первой русской революции. Незримо в мыслях и разговорах действующих лиц в пьесе присутствует Владимир Ильич Ленин. Другие персонажи — рабочие, члены Уфимской организации РСДРП, жильцы дома, где квартируют Н. К. Крупская и ее мать Елизавета Васильевна.

К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина пьеса «Надежда» поставлена в театрах Чебоксар, Улан-Удэ, Уфы и других.

КРУПСКАЯ. Володя немедленно просил прислать к нему из Уфы товарища, доверенного агента.

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА (тревожно). А есть такой человек? Кто может поехать, Наденька?

КРУПСКАЯ. Иван Якутов. Он повезет Ильичу зашифрованный материал местной организации для газеты «Искра». Благословим его, мама?

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА (вздыхнула). Мы его еще мало знаем, Наденька, доверять такое...

КРУПСКАЯ. Ему можно доверять. Володя ждет... Надо действовать... у меня нет больше выхода. (Задумалась. Вдруг замерла, увидев у входа молодого человека лет 20. На нем поношенное пальто и старая шапка, брюки из холста, суконные чулки, лапти. Внешний вид его напоминает крестьянина. В руке гармонь.)

ЗАХИТ (растерявшись). Когда я перепрыгивал через забор...

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА. Что?

ЗАХИТ. Порвал брюки. (Смеется.) Надо бы зашить... Дайте, пожалуйста, иголку с ниткой, бабушка.

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА (уводит его на кухню). Ну и ну...

ЗАХИТ. На мне только одни брюки. (Прячется за кухонную дверь.)

КРУПСКАЯ (появляется из комнаты). Где же этот парень?

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА. Он говорит, когда прыгнул через забор, порвал штаны.

ЗАХИТ (появляется). Мне нужна Крупская.

КРУПСКАЯ. Это — я.

ЗАХИТ. Вы? Нет уж. Что, повашему, я не умею различать медведя от овцы? Мне нужна Крупская.

КРУПСКАЯ. Чем же я не похожа на Крупскую?

ЗАХИТ. Вы уж не шутите, кто еще живет в этом доме?

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА. Здесь еще живу я с дочерью. Я тоже Крупская.

ЗАХИТ. Ну-у! А я думал, она барыня. Здравствуйте! Еще раз здравствуйте. Я по поручению Якутова...

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА. Проходите, пожалуйста.

ЗАХИТ. Вот — листовки.

КРУПСКАЯ. Листовка?! Это листовка?

ЗАХИТ. Вы не знаете, что такое листовка?

КРУПСКАЯ (подшучивая). Не понимаю. А что такое листовка?

ЗАХИТ (испытующе). Против самодержавия. Вот тебе на! Не знает этого. (Смотрит на нее.)

КРУПСКАЯ. Против кого?

ЗАХИТ. Против самодержавия.

КРУПСКАЯ. Это как же «против»? Что еще за «самодержавие»?

ЗАХИТ. Если хотите знать, это дьявол, который забрался на наши плечи. Чтоб ему поперхнуться. Кровопиес с собачьей головой. Вот что это.

КРУПСКАЯ. А царь?

ЗАХИТ. Царя ты не задевай, барыня. Он тут ни при чем.

КРУПСКАЯ. То есть как же? Кто же «причем»?

ЗАХИТ. Так вот, царя вот эти самые дьяволы и науськивают.

КРУПСКАЯ. Значит, им руководят дьяволы?

ЗАХИТ. Да, барыня, меня не путай.

КРУПСКАЯ. Подожди. Кто же твои дьяволы?

ЗАХИТ. Как кто?! Конечно, богатеи. Вы что, и этого не знаете?

КРУПСКАЯ. Так ведь царь-то и есть самый главный буржуй.

ЗАХИТ (почесывая затылок). Неужели? Значит, все они под одну колodку.

КРУПСКАЯ. Да, вот именно. Самодержавие — это власть царя, которая защищает класс угнетателей.

ЗАХИТ. Вот как... (Задумавшись). Почему мне товарищ Якутов обо всем этом не говорил. А может быть, я плохо слушал его?

КРУПСКАЯ. Не торопись, ты еще все поймешь.

ЗАХИТ. Ну что ж — пойду я. Всего хорошего, тетя Наля.

КРУПСКАЯ. Подождите. Почему же вас послал Якутов? Где он сам?

ЗАХИТ (маленькая пауза). Товарищ Якутов остался в трактире. Я там работаю посудомоем... ну вот и...

КРУПСКАЯ. Ну, ну, говорите!

ЗАХИТ. За ним кто-то начал следить.

КРУПСКАЯ. Вы давно с ним знакомы?

ЗАХИТ. Не так уж, чтоб очень. Иногда товарищ Якутов брал меня с собой... Ну и вот... Вот эти листовки я прячу в тюбетейку. Прячу в гармонь.

Если встретится какие-то утеры — притворюсь дурачком. Ха... ха... (На гармони берет аккорд). Иногда играю и пою. (Улыбаясь). В общем, когда нужно, устраиваю балаган. (Вздыхнув). Может быть, когда-нибудь соберу деньги на корову.

КРУПСКАЯ. На корову?

ЗАХИТ. Да, барыня. (Вздыхнув). Кошелек у меня пустой...

КРУПСКАЯ. Значит, ты надеешься наполнить кошелек?

ЗАХИТ. Надеюсь, конечно, барыня. Если буду жив-здоров. Бог даст, рассчитываю на корову. Зима длинная, пока гармонью сыты (играет). Вот так.

КРУПСКАЯ. Грустные песни у вас.

ЗАХИТ. Это наша песня... Жаль, не понимаете. Они очень задумывные.

КРУПСКАЯ. Как тебя зовут, гармонист?

ЗАХИТ (поклонившись). Захит Карамшин.

КРУПСКАЯ. Посидите, Захит, к товарищу Якутову есть одно поручение. (Уходит в другую комнату).

Елизавета Васильевна возится у стола и наблюдает за Захитом.

ЗАХИТ. Почему вы так подозрительно смотрите на меня? Вы не бойтесь — я свой человек.

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА (улыбаясь). Вижу, сынок, вижу, ты свой человек. Садись пить чай.

ЗАХИТ. Спасибо. (Садится).

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА. Порвал брюки и ходил в таком виде. И если тебя поймает... Неужели не боишься, сынок? (Садится на диван и начинает вязать).

ЗАХИТ. Ну, знаете, один попался, говорят.

КРУПСКАЯ (входит). Вы давно знаете Якутова? Где и как вы с ним познакомились?

ЗАХИТ. В Уфе на вокзале. Как-то, набродившись, я уснул там, и у меня все украли. Остался я — в чем был, почти голый, да еще голодный. Бро-

сился под поезд, и он меня удержал... Пожалел... Дал мне свои сапоги, теплые чулки, повел к себе домой. Накормил, напоил. Вот так мы и познакомились. Подарил гармонь, хоть и старую.

КРУПСКАЯ. Родители есть?

ЗАХИТ. Были. Умерли от голода в деревне... А я ходил по дворам и пел песни. Поэтому выжил. Зачем вы обо всем спрашиваете... Я о себе никому не рассказывал. Якутов мне и отец и мать. (Отвернулся).

КРУПСКАЯ. А ты, Захит, не собираешься работать у Якутова в железнодорожных мастерских? Тимофей Кривов там стал рабочим человеком.

ЗАХИТ. А Тимоша, тур-тур... Мы с ним как родные братья. Когда на душе очень грустно, он поет по-чувашски, а я по-татарски.

КРУПСКАЯ. Ну как? Хочешь стать рабочим человеком?

ЗАХИТ. Хотел бы, да у меня паспорта нет. (Крупская протягивает Захиту лист бумаги. Он кладет ее в гармонь.) Я пошел. Может быть, вам сыграть что-нибудь?

КРУПСКАЯ. Если хочешь, сыграй.

ЗАХИТ (напевая). Эх, сердце, как много ты хочешь. (Играет на гармонии и поет).

КРУПСКАЯ. Грустный ты, парень, оказывается... Ты верь, Захит, что придет тот день... придет свобода...

ЗАХИТ. Сколько же времени надо ждать эту свободу?

КРУПСКАЯ. Ее не нужно ждать, ее надо завоевать. Надо бороться. Это хорошо, что ты общаешься с рабочими железнодорожных мастерских. Революционеру нужно много знать. А для этого надо много читать.

ЗАХИТ. Так ведь революционеры живут только в Москве и Петербурге.

КРУПСКАЯ. В нашем городе они тоже есть. Вот ты в будущем обязательно будешь революционером.

ЗАХИТ. Я... (Смеется.) Я... (Смеется.) Куда уж нам, темным татарам и чувашам быть революционерами. (Почесывая затылок). Безграмотные. Если ты не сможешь прочесть даже то, что носишь в кармане... Кроме горькой жизни, ничего не знаешь... Да наплевать мне на всех!

КРУПСКАЯ (с улыбкой). Захит, хочешь учиться?

ЗАХИТ. Мало ли что я хочу? Карман пустой.

КРУПСКАЯ. Если ты согласен, я буду обучать тебя бесплатно.

ЗАХИТ (взволнованно). Учить? Вы? Меня? (Крупская, улыбаясь, кивает головой). Я бы написал письмо в деревню.

КРУПСКАЯ. Ты, действительно, хочешь купить корову?

(Смеется. Захит слушает знакомую мелодию на курае. Стоит очарованный). Кто там играет на курае?

КРУПСКАЯ. Суюмбике.

ЗАХИТ. Суюмбике?! Кто она?!!

На лестнице появляется Суюмбике. Стройная фигурка, лицо еще более осунулось, сосредоточенные большие черные глаза.

КРУПСКАЯ. Заходи, Суюмбике, что стоишь?.. Щеки горят. У тебя, наверно, температура... Лекарство ты приняла?

СЮУМБИКЕ. Да, тетя.

Только что здесь кто-то играл? Кто играл? (Смотрит на Захита). Вы?

ЗАХИТ. Я... (Смотрит на Суюмбике очарованно). Здравствуйте. (Протягивая руку).

СЮУМБИКЕ (прячет заплатку на рукаве). Здравствуйте. (Склонив голову, идет к окну. Становится спиной к Захиту).

Сыграйте еще раз, пожалуйста. Захит смотрит на хозяйку.

КРУПСКАЯ (кивает головой). Играй, парень. (Захит поет под гармонь народную песню «Соловей»).

Крупская уходит в другую комнату.

СЮУМБИКЕ. Что за песню играли вы, Захит?

ЗАХИТ. Старинную, татарскую.

СЮУМБИКЕ. Вы из Казани?

ЗАХИТ. Да, барышня.

СЮУМБИКЕ. Барышня... Первые слышу, что я «барышня». (Они стоят около окна).

ЗАХИТ. Какая красивая...

СЮУМБИКЕ. Вы о цветах?

ЗАХИТ. Да... да... о цветах.

СЮУМБИКЕ. Веточка сломалась. (Пауза). Розовый, красный, желтый... Я очень люблю цветы. Особенно весной... Скоро весна — земля покроеется цветами. Молодежь пойдет на берег Белой. Только я все это не увижу... Умру...

ЗАХИТ. Почему? Нет, нет... Почему вы думаете о смерти, Суюмбике?

СЮУМБИКЕ. Весной чаще умирают те, которые болеют, как я.

ЗАХИТ. Если бы было возможно, я бы согрел тебя своим горячим дыханием, отдал бы свое сердце.

СЮУМБИКЕ. А сам бы остался без сердца...

ЗАХИТ. Согласен... Я согласен.

СЮУМБИКЕ. На что согласен?

ЗАХИТ. Отдать тебе свое сердце, а самому остаться без сердца.

СЮУМБИКЕ. Захит, кто ты?

ЗАХИТ. До сегодняшнего дня я был одиноким сиротой. Теперь нас двое. (Берет ее за руку).

СЮУМБИКЕ. Это все мне? Может, мне снится?